

ные алатауские, значительная часть форм которых была найдена мной впоследствии на Тянь-шане¹.

Ключ, выходящий из земли близ нашего привала метров на 60 ниже снежной поляны, имел $+1,5^{\circ}$, а температура воздуха в тени $+9^{\circ}$, но пригрев солнца был очень силен, и, конечно, нарастаявшие в это время года снега нужно было уже признать вечными, в чём легко было убедиться из их сложения.

Когда же мы, после сбора альпийских трав, тронулись с нашего привала, день склонялся к вечеру, и было уже около 6 часов пополудни. Сумерки застали нас на половине спуска, который был очень крут, потому что мы шли напрямик в направлении к Копалу. Когда мы вошли в зону хвойных лесов, то уже совершенно стемнело, и мы, спотыкаясь и падая, должны были вести лошадей в поводу, пробивая себе путь между скалами и срубленными деревьями. Наконец, мы вышли на тропинку дровосеков, проходившую через ущелье, в котором зимовал первый пришедший сюда русский отряд в 1841 г., при занятии местности Копала под первое русское поселение в Семиреченском крае. Уже очень поздно вечером огни и лай собак возвестили нам наше благополучное возвращение в Копал.

Отвычка от верховой езды и переутомление от слишком трудного восхождения не остались для меня без последствий. День 14 августа я ещё провел кое-как, приводя в порядок свои богатые сборы от 13 августа, но на другой день я уже слёг в постель. Следующие три дня я не мог двинуться с места и только 18-го утром с трудом сел в тарантас для того, чтобы шагом доехать до Арасана. Теплые ванны имели на меня самое благотворное влияние: невыносимые боли прекратились, и 19 августа я с удовольствием мог уже сделать первую экскурсию за пять вёрст от Арасана. На следующие дни—20, 21, 22 и 23 августа—я уже делал ежедневно экскурсии от 15 до 20 вёрст во все стороны от Арасана, вдоль

¹ Среди собранных мной 13 августа на Копальском гребне растений были уже известны из альпийской флоры Швеции, Швейцарии и других стран Европы: *Anemone narcissiflora*, *Ranuncius hyperboreus*, *Papaver alpinum*, *Draba stellata*, *Dianthus alpinus* (в другом видоизменении), *Alsine verna*, *Hedysarum obscurum*, *Potentilla opaca*, *P. nivea*, *Erigeron uniflorum*, распространённый в Альпах эдельвейс (*Leontopodium alpinum*), *Primula cortusoides*, *Cortusa matthioli*, *Gentiara aurea*, *Dracosephalum peregrinum*. Но встретились мне в этой флоре и несколько растений, распространённых в нашей северной русской (Сарматской) равнине: *Pyrola rotundifolia*, *Androsace septentrionalis* и наша обыкновенная незабудка (*Myosotis silvatica*), а из растений Сибирской равнины: *Trollius asiaticus* и полярная *Gimnandra borealis*. Всего же более растений в этой зоне было алтайских, а именно: *Isopirum grandiflorum*, *Erysimum cheiranthus*, *Parnassia laxmanni*, *Geranium albiflorum*, *Sedum ewersii*, *Saxifraga sibirica*, *Doronicum altaicum*, *Primula algida*, *Eritrichium villosum*, *Dracosephalum altaicense*. Все же остальные виды принадлежали к центрально-азиатской флоре местной альпийской зоны и оказались позже отчасти распространёнными также и в Тянь-шане. Из этих растений местной алатауской флоры мной в этот день были найдены впервые получившие впоследствии следующие названия: *Oxytropis fruticolosa* n. sp., *Ox. algida* n. sp., *Ox. oligantha* n. sp.